

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета

на диссертацию **Аврutiной Аполлинии Сергеевны**
«ФОНОЛОГИЯ И МОРФОЛОГИЯ ЛИТЕРАТУРНЫХ ТЮРКСКИХ
ЯЗЫКОВ МАЛОЙ АЗИИ: СТРУКТУРНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ
ХАРАКТЕРИСТИКИ В ДИАХРОНИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ»
 представленную на соискание ученой степени доктора филологических наук. Специальность 10.02.22 - Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии (стран Азии и Африки). - СПб., 2018 – 856 с.

Первое, что хочется сказать об обсуждаемой диссертации А.С. Аврутиной – она очень необычна. Из названия ожидается, что она будет посвящена более или менее классическим проблемам фонологии и морфонологии, однако же все в ней не совсем так. Определение «литературные тюркские языки Малой Азии» для объекта исследования весьма удачно: мы до сих пор не знаем, сколько тюркских языков существует ныне, и дело тут не в оппозиции «языки-диалекты», а в количестве письменных тюркских языков, зафиксированных некоторым количеством надписей или рукописных текстов. Вряд ли кто-то скажет, сколько языков с нетривиальными фонетическими соответствиями вобрал в себя «Древнетюркский словарь» (1969, 2016). Диссертантка показала нам, что в лингвистической истории турецкого языка можно выделить четыре страты, представляющей разные литературные языки, хотя и принадлежащие к единой истории одной языковой формации.

Актуальность данного исследования весьма велика, и не случайно оно по проблематике (фонология, морфонология, характеристики письменного языка) удаляется от классических сюжетов тюркологии, хотя автор сочинения отдает им требуемую ими (точнее, авторами гипертрадиционалистских трудов) дань – это «фонетика» без противопоставления фонологии, фонетическая структура слова и корня, сингармонизм, и главное – мнимая специфика морфем и морфемных швов в агглютинативных языках. Во-первых, это серьезное исследование в области квантитативных характеристик звукового строя тюркских языков: связь исследования с квантитативной типологией не объявлена в названии, но в этом заключается главный смысл работы. Во-вторых, это ценное и важное описание звукового строя (в широком смысле) турецкого языка в его ретроспективе или характеристика эволюции языка орхонских памятников до современного турецкого языка как представителя группы огузских языков. В-третьих, без чего данной работы не было бы – это итоги анализа языка староанатолийско-тюркских памятников на разных синхронных срезах от XIII до XX вв., где существенным является как весь пакет текстов, так и рассмотрение каждого из текстов в отдельности. **Научная новизна диссертации** А.С. Аврутиной заключена прежде всего в результатах исследования тюркского языкового материала в рамках парадигмы квантитативной лингвистики (автор данного отзыва не относит себя к фанатам последней, однако считает нужным отдать должное автору и его

62 03/10 - 146 см 10.08.2018

труду). Несомненно, новым и перспективным в работе является стратификация и идентификация языковых формаций внутри исторического континуума турецкого (прежде всего староосманского) языка. Здесь же надо назвать филологическое внимание автора и к материалу и соответствующую характеристику изучаемых текстов. По тексту работы разбросано много наблюдений и замечаний (как авторских, так и корпоративных) по поводу истории письменных систем тюркских языков. **Теоретическая значимость** рассматриваемой работы относится к четырем областям лингвистики – квантитативная лингвистика, фонология, теория письма, теория литературного языка. **Практическая ценность** сочинения А.С.Аврутиной видится в том, что на ее основе могут продолжаться исследования квантитативной типологии тюркских языков, оно составляет хорошую основу для чтения спецкурсов по квантитативной лингвистике, фонологии, графике и орфографии тюркских языков. Нетривиальная ценность труда А.С.Аврутиной состоит в возможности использования собранных данных для исследований в области исторической фонологии тюркских и шире – алтайских языков, поскольку статистическая неоднородность фонем иногда помогает корректировать реконструкцию (пример из персонального опыта автора отзыва: в тунгусо-маньчжурских языках узкие долгие гласные, как оказалось, встречаются в 7 раз чаще широких, и напрашивающаяся поправка к реконструкции на их месте сочетаний широких гласных с финальным заднеязычным согласным позволила увеличить число общеалтайских лексических сходжений, и, главное, отождествить 70 процентов словообразовательных суффиксов тунгусо-маньчжурских и монгольских языков (в монгольских языках ауслатные комплексы не изменялись). **Методология и методика** исследования в квантитативной части существенно обогащены автором, в остальных аспектах корректны, а по проявлениям весьма актуальны для тюркологии, науки с почтенным возрастом. **Личный вклад** автора в представленную в диссертации проблематику настолько значителен, что его трудно с чем-то сравнивать: это новое направление в изучении тюркских языков и в методике их исследования.

В диссертации А.С.Аврутиной встречается множество пассажей, которые не оставят равнодушным любого специалиста по истории тюркских языков: здесь и проблема первичных долгих гласных в тюркских языках и их рефлексии в отдельных языках, и характеристика и сопоставление вокалических систем якутского и тувинского языков (с. 121 и сл.), и актуальнейшая проблема девятого гласного [ɛ] в исторической фонетике тюркских языков (с. 174), где автор хотя бы отчасти компенсирует острый недостаток примеров слов с этим гласным.

Надо принципиально согласиться с одним из выводов диссертантки: «Фонологическая структура тюркского слова связана с другими языковыми уровнями в рамках общей системы языка. Общую фонологическую модель рассматриваемых языков можно создать с учетом диахронических сведений на основе имеющихся моделей фонологических структур, поскольку сведения о древних структурных типах помогают понять процессы становления, развития и будущих особенностей фонологических моделей современных тюркских языков» (с. 245).

Можно и нужно сказать, что диссертация А.С.Аврutiной – это наиболее серьезная работа по тюркской синхронической фонологии и исторической фонологии. К неоспоримым достоинствам ее относятся содержательная библиография (пример – указания на редкие работы Е.Д.Поливанова), удобство оформления ссылок на литературу, а также филологическую содержательность: за текстом специальной лингвистической работы явственно виден литературовед или знаток турецкой литературы, кем, собственно. По второй ипостаси и является диссертантка.

Комплиментарная характеризующая часть настоящего отзыва на диссертацию А.С.Аврutiной отнюдь не предполагает отсутствия концептуальных критических замечаний по данной работе или претензий иного характера. Разнопорядковые замечания у автора отзыва, разумеется, есть и их немало.

Начнем с комментария к цитате со с. 245, приведенной выше. Фонологическая модель рассматриваемых языков (напомним, огузских и явно близких к турецкому) в диахронии создается не сопоставлением синхронных срезов, а анализом морфологических факторов, по Л.Р.Зиндеру – первопричины всех звуковых изменений. И здесь от автора ожидалось не рассуждения об агглютинации, якобы диктующей специфику фонологии урало-алтайских языков, а конкретные указания на процессы в морфологии, приводящие к фонологическим изменениям.

Кстати, и само понимание агглютинации, на наш взгляд, нуждается в уточнении. Признаками агглютинации является не прозрачность границ между морфемами, (ср. «Предположительно диссимиляция вполне могла существовать в языке орхонских рунических памятников, и она могла быть связана с агглютинирующей техникой построения словоформ в речи, в частности с тенденцией подчеркивать морфемные границы. Подобная идея была высказана Г.П. Мельниковым относительно языков агглютинативного типа (с.134 диссертации)» а гомогенность словообразовательных и грамматических средств имени и глагола (тождество средств именного и глагольного словообразования, использование посессивной парадигмы для образования отдельных категориальных форм глагола, использование падежных суффиксов для формирования деепричастных форм и т.п.). Контрпримеры к традиционному пониманию агглютинации: границы между морфемами идеально видны в глагольной системе не только латинского, но и испанского языков, в то же время такие языки, как якутский или (в меньшей мере киргизский), имеют весьма сложную систему правил модификации морфемы на морфемных швах. То же – при единстве словообразовательных суффиксов и грамматических показателей – мы видим в сравнении эвенкийского языка (его называли латынью тунгусо-маньчжуроведения) с эвенским языком, имеющим массу модификации суффиксов на морфемных швах. Добавлю, что идея Г.П.Мельникова о связи тюркской агглютинации с кочевым образом жизни тюрков, во-первых, прямо противоречит данным об исторической этнографии тюркских народов, изначальным местом проживания которых была горная тайга, а не степи, во-вторых, напрямую зависит от стадиальных идей языкознания 1930-1950-х годов и порождена ими.

Если возвращаться к проблемам истории тюркских языков, то тут с прискорбием придется констатировать следующее: несмотря на громадное количество описательных и историко-типологических публикаций по структуре морфемы («трехзвучность» корня) в тюркских языках (как в целом, так и по отдельным языкам) и ее внутритюркской эволюции, прослеживаемой от древнетюркских памятников, современные уточнения в области структуры корня и структуры слова в общеалтайской реконструкции, особенно же рассмотрение фонологических изменений внутри слова (прежде всего тотальное выпадение начальных согласных и отпадение ауслатных комплексов) превращают весь этот массив в прах. Пара примеров: тюрк. *at* «конь, лошадь» соответствует монгольскому *agta*, а *a:t* (тур. *ad*) «имя» (в турецком омофоны) – монгольскому *aldar* «слава, имя». Собственно, уже включение в этот оборот якутского материала (А.А.Кузьмина) делает его несопоставимым с татарским (Л.А.Гаитова) или казахским (Е.Э.Кажибеков). Такие хрестоматийно известные факты фонетики тюркских языков, как ротацизм и ламбдаизм нуждаются в коррекциях условий реализации консонантных изменений, и одно то, что названные явления невозможны в позиции абсолютного конца слова (на что приходится более половины известных примеров на соответствия *з~р*, *ш~л*), кардинально меняют многие представления в этой области.

Статистика звуковых или графических единиц в конкретном тексте – пусть нижепредставляемый экскурс и имеет чисто теоретический смысл – отнюдь не языковая данность: лингвистика художественного текста представляет собой некую пограничную область между лингвистикой текста и поэтикой и стилистикой. Так, в романе И.Ильфа и Е.Петрова «Золотой теленок» фрагменты, относящиеся к пишущей машинке «с турецким акцентом», характеризуются трехкратным увеличением частотности литеры Е в сравнении с рядом находящимися абзацами. В «заумных» стихотворных миниатюрах А.Крученых частотность букв, обчисленная для русского языка в 1960-е годы В.Н.Топоровым, доводится до аномальной – это не звучащие стихи, это графические образы, рассчитанные не на озвучивание, а на зрительное восприятие. В некоторых текстах смещенная статистика фонем или букв не находит объяснения: в основном тексте (не в запеве) песни В.Высоцкого «На Большом Каретном» - по контрасту с запевом – полностью отсутствуют аффрикаты.

На с.22 диссертации мы читаем: «Как только речь заходит о критериях, становится желательным квантитативный подход, поскольку именно математические методы лингвистического исследования позволяют точно показать количественную меру и степень близости либо удаленности тех или иных единиц...» Вопрос, что даст квантитативный подход к таким парам языков, как сербский и хорватский, хинди и урду? Как известно, по списку Сводеша татарский и башкирский языки дали ноль расхождений.

Иногда привлекаемый материал по существу дискредитирует направление работы. На с. 55 диссертации говорится: «Эти данные позволяют Ю. А. Тамбовцеву сделать вывод о том, что азербайджанский, гагаузский и туркменский языки входят в одну и ту же группу — группу огузских языков — не случайно». В ту же группу входит и турецкий. А кто из тюркологов

высказывал иное мнение? Точно так же недавно группа исследователей, объединенных европейским грантом, сообщила миру, что якуты на основе комплексных данных имеют южное происхождение. Отечественные этнографы утверждали это же полтора столетия назад и эта идея никогда не имела альтернативы.

Не очень понятны обсчеты текстов на предмет вычисления «индекса удобочитаемости текста по методике Рудольфа Флеша» (с. 201, 207, 213, 219, 224, 225, 230, 236) - странная в лингвистической категории, выведенная из подсчета слогов (!) в отрезке письменного (!) текста (с. 207 диссертации). Во-первых, как быть с необходимостью пересчета числа слогов для турецких текстов до реформы письма? Во-вторых, что имел в виду автор методики и диссертантка под словом «читать»? Автор отзыва недавно в память о Л.В.Бондарко опубликовал заметку, в которой рассказывалось, что Ходжа Насреддин мог-таки научить своего ишака читать Коран – однако он не брался научить ишака говорить по-арабски... Читать и читать вслух – в принципе разные действия, причем второе действие либо профессиональное, либо (как в начальной школе) паранормальное.

В работе встречаются терминологические несуразности: с. 179 «В то же время у согласной /y/ наблюдается родство с фонемами /r/ и /z/. В современном языке обнаруживается соответствие /r/ ~ /z/ ~ /y/ ~ /ø/»; С. 192 «В новоосманском и современном турецком языке хорошо развита нёбная (палатальная) гармония гласных». Гармония гласных либо существует, либо не существует.

Диаграммы и таблицы (глава 3 диссертации) помещены в приложение, что крайне осложняет чтение. Хочется видеть примеры, а их нет. При этом часть диаграмм и таблиц присутствует в заключении к работе. Голос читателя: хочется видеть языковые примеры, а их нет.

В заключении диссертантка пишет: «Практические цели настоящего исследования заключались в том, чтобы: 1) проанализировать понятийный аппарат классической фонологии (труды И.А. Бодуэна де Куртене, Л.В. Щербы, Н.С. Трубецкого) с точки зрения его адекватности для фонологического анализа тюркских языков» (с. 243). Результаты тут ожидаемы во всех смыслах и так даже не стоило ставить вопрос, ибо Г.П.Мельников, М.А.Черкасский, В.И.Золхоев, Ю.А.Тамбовцев да и А.М.Щербак как фонолог – это Кунсткамера истории тюркологии, ее тератологический кабинет. Продолжение рассуждения: С. 244 «Практическая ценность исследования: полученные данные могут быть использованы: 1) для усовершенствования понятийно-терминологического аппарата фонологии тюркских языков». Замена заведомо непригодного аппарата на общеупотребительный никак не тянет на «усовершенствование» - надо называть вещи (и авторов отдельных идей) своими именами.

Еще - с. 244: «В свете устоявшегося в науке понятийно-терминологического аппарата существования исторической фонетики вызывает сомнения». Выражаем несогласие: историческая фонетика – это факты межъязыковых соответствий, а историческая фонология – это систематизация условий и процессов.

В диссертации встречаются опечатки в инициалах исследователей, в названиях некоторых работ (например, Ахманова О. С. Фонология, морфонология и морфология. М.: Изд-во МГУ, 1966) с лишним И.

Автором учтена книга: Богородицкий В.А. Общий курс русской грамматики (из университетских чтений) / вступ. ст. В.К. Журавлева и И.В. Журавлева. М.: КомКнига, 2005. – по новейшему изданию, в то же время в работе нет ссылок на труд того же автора, ученика И.А.Бодуэна де Куртенэ «Введение в татарское языкознание» (1922, 1934), сохраняющий свою ценность.

При внимании диссертантки к фонологии заимствованных слов в турецком языке в библиографии нет брошюры С.Н.Иванова «Арабизмы в турецком языке» (Л., ЛГУ, 1973). В списке литературы указана всего одна статья И.В.Кормушина, датированная 1975 годом, в то время как этому ученому принадлежит множество работ по палеографии и языку древних тюркских памятников и тюркской морфологии – непосредственно по теме диссертации А.С.Аврутиной. В работе несколько раз встречается термин «фреквенталии» но не упомянута важная для пользования этим понятием книга Б.А.Серебренникова «Вероятностные обоснования в компаративистике» (1974, 2005). Наконец, весьма странно и отсутствие в ссылках и литературе указаний на книгу В.В.Шеворошкина «Звуковые цепи в языках мира» (1969).

На с. 136 и 276 работы присутствует одна и та же цитата из книги А.Мартине. Надо ли было повторять ее?

Все сказанное здесь и является насыщенным эмоциями, и может повлиять на эмоции читающих, но не отрицает заметного вклада диссертантки в специальные разделы тюркологии и в опыт квантитативной типологии.

Публикации автора – монографии и статьи, частью в соавторстве – соответствуют содержанию диссертации.

Диссертация Аврутиной Аполлинии Сергеевны на тему: «Фонология и морфология литературных тюркских языков Малой Азии: структурно-типологические характеристики в диахронической перспективе» соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 01.09.2016 № 6821/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», соискатель Аврутина Аполлиния Сергеевна заслуживает присуждения ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.22 - Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии (стран Азии и Африки).

Член диссертационного совета

Доктор филологических наук, доктор исторических наук

Ведущий научный сотрудник Словарного отдела

Института лингвистических исследований РАН

Бурыкин Алексей Алексеевич

14 августа 2018 г.

Подпись *А. А. Бурыкин*
 удостоверяю
 ст. референт ИЛИ РАН *А. А. Бурыкин*